

51. *Погодин М.П.* Отрывок из записок // Русский Архив, 1865. – С. 887-894. Цит. по: *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. – Харьков, 1990. – С. 249.

52. См.: *Джулиани Р.* Гоголь в Риме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 5. – С. 22.

53. Там же.

54. См.: *Смирнова–Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. – М., 1989. – С. 50. В галерее Боргезе, которую Гоголь посещал вместе со Смирновой, творчество Караваджо представлено такими значимыми работами, как «Больной Вахх», «Юноша с корзиной фруктов», «Пишущий Иероним», «Мадонна со змеей», «Давид с головой Голиафа», «Иоанн Креститель».

55. *Ходель Р.* Указ. соч. – С. 24.

56. *Франк С.* Указ. соч. – С. 36.

57. Проблема экфрасиса в «Портрете» относится к числу наиболее изученных в гоголеведении. См. об этом: *Барабаш Ю.Я.* Європейське малярство чи візантійський іконопис? // Гоголеведческие студии. Вып. 7. – Нежин, 2001. – С.14-26; *Джулиани Р.* Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна. – М., 2001. – С. 127-147; *Лепяхин В.В.* Живопись и иконопись в повести Н.В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок» // *Лепяхин В.В.* Икона в русской художественной культуре. – М., 2002. – С.164-199; *Кривонос В.Ш.* Портрет в «Портрете» Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 2(4). – СПб., Самара, 2005. – С. 73-80.

58. *Зенкин С.* Новые фигуры. Заметки о теории// Новое литературное обозрение. – 2002. – № 57. – С. 349.

Владимир Воропаев

Гоголь и Московский университет

Николай Васильевич Гоголь не учился в Московском университете, не занимал там никакой кафедры, хотя одно время этого желал. В 1834 году он раздумывал, искать ли ему кафедры всеобщей истории во вновь открывшемся тогда Киевском университете Святого Владимира (по совету М.А. Максимовича) или места адъюнкт-профессора в Московском университете (как рекомендовал М.П. Погодин). Из переписки Гоголя с последним мы знаем, что

он действительно имел намерение стать адъюнкт-профессором Московского университета [1]. И в письме к А.С. Пушкину – от 23 декабря 1833 года – Гоголь замечал, что ему предлагали место в Московском университете. Однако не вышло ни того, ни другого, – на деле получилось третье: министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров предложил Гоголю профессуру по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете, и он остался в Петербурге.

И все же Московский университет в судьбе Гоголя оставил заметный след. Вспомним о том огромном влиянии, которое оказывал университет в 1830–1840-е годы на культурно-общественную и литературную жизнь тогдашней России. «Московские студенты, – пишет в своих воспоминаниях о Гоголе Сергей Тимофеевич Аксаков, – все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте» [2]. В числе этих студентов были Лермонтов, Гончаров, Тургенев, Герцен, Огарев, Станкевич, Белинский. Все они вышли на свои жизненные и творческие пути из Московского университета. Уже в 1835 году Белинский провозгласил Гоголя «главою литературы, главою поэтов» [3].

В 1834 году Гоголь был избран действительным членом состоящего при Московском университете Общества любителей российской словесности, секретарь которого Михаил Погодин предложил молодому писателю участвовать в работе Общества, но тот отделался шутливым письмом. «Я получил маленькое прибавление, впрочем, гораздо больше письма вашего, – писал Гоголь Погодину 13 марта 1834 года из Петербурга, – о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъяснить ее благородному сословию. Но, увы! Вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лености... Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность» [4].

Гоголь был выбран членом Общества любителей российской словесности вместе с братьями Киреевскими, поэтом Николаем Языковым, профессором Николаем Ивановичем Надеждиным. Но вскоре деятельность Общества приостановилась, и оно возобновилось шесть лет спустя после смерти Гоголя. Погодин, теперь уже председатель его, 7 февраля 1865 года читал на заседаниях отрыв-

ки из своих записок «Встреча с С.П. Шевыревым и Н.В. Гоголем в Риме в 1839 г.».

Общество не преминуло почтить память Гоголя в 1902 году, по поводу 50-летия со дня кончины писателя. Тогда в университете состоялось торжественное заседание, посвященное воспоминаниям о Гоголе. Университетское Общество любителей российской словесности, как известно, явилось главным инициатором сооружения памятника Гоголю по всенародной подписке. Он был открыт в Москве в 1909 году.

Через 12 лет после избрания Гоголя членом Общества любителей российской словесности Московский университет новым актом выказал свое отношение к писателю, избрав его в 1845 году почетным членом Московского университета. Факт этот хорошо известен. В 1901 году в «Киевской Газете» (от 21 октября) была напечатана заметка без подписи, где сказано, что известный журналист и прозаик Владимир Алексеевич Гиляровский, член Общества любителей российской словесности, привез из своей поездки в Яновщину диплом Гоголя на звание почетного члена Московского университета (переданный ему на хранение племянником писателя Николаем Владимировичем Быковым). Текст этого документа гласит:

«Состоящий под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Павловича Императорский московский университет, уважив отличные в ученом свете заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным своим членом, с полной уверенностью в его содействии Московскому университету во всем, что к успехам наук способствовать может. Дан в Москве июня 16 дня 1845 года».

Далее следуют подписи попечителя Московского учебного округа графа Сергея Строганова, ректора университета профессора Аркадия Альфонского и секретаря Совета Василия Спекторского [5]. Местонахождение этого диплома ныне неизвестно.

Итак, Гоголь в 1845 году был избран в почетные члены старейшего русского университета «за отличные в ученом свете заслуги и литературные труды». И этот акт был довольно редким в жизни Московского университета: со времени его основания Гоголь был одним из немногих писателей, возведенных в это звание. Университет удостоивал звания своего почетного члена преимущественно людей науки. В акте избрания сообщается, что 31 января

1845 года в присутствии Совета ректор на основании параграфа 30 общего устава университетов предложил в числе других избрать почетным членом коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, на что последовало единодушное согласие всех членов Совета.

Архивы не сохранили подробностей. Возможно, с избранием Гоголя были сложности. 2 февраля 1845 года Погодин записал в своем дневнике: «Известие от Шевырева, что я избран в почетные (члены Московского университета. – В.В). Принц Ольденбургский, герцог Лейхтенбергский, Остроградский, Штруве, Востоков и Гоголь. Назначение последнего вопреки мнению аристократов и, может быть, правительства» [6]. Небезынтересно знать, как Гоголь отнесся к этому акту университета? Об этом нет никаких следов в его письмах. Возможно, он и вообще не высказался по этому поводу. Напомним, что лето 1845 года – один из труднейших моментов его жизни. Он был занят другими проблемами.

Теперь рассмотрим более подробно связи Гоголя с Московским университетом и его профессорами. В 1832 году он знакомится с профессором Михаилом Петровичем Погодиным, который вводит его в круг «москвичей». В среде профессуры Московского университета Гоголь находит не только искренних почитателей своего таланта, но и близких друзей. Такими друзьями остались до конца его жизни профессор Степан Петрович Шевырев, Михаил Александрович Максимович, Осип Максимович Бодянский. С двумя последними Гоголя связывало чувство любви к родной для них Украине, общие интересы в области изучения ее истории и фольклора.

С профессором Московского университета, а впоследствии ректором Киевского университета Святого Владимира Михаилом Максимовичем Гоголь познакомился в 1829 году. Оба увлеченно собирали народные песни, первое издание которых Максимович выпустил еще в 1827 году. Гоголь с юных лет любил народные песни и стал собирать их еще в Нежинской гимназии. Он был глубоким знатоком и собирателем устного народного творчества. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! – писал он в 1833 году Максимовичу. – Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!.. Я не могу жить без песен» [7].

Именно в песнях находил Гоголь отражение настоящей народной жизни. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он в статье «О малороссийских песнях» [8].

В 1834 году Московский университет издал второе собрание «Украинских народных песен» Максимовича. В предисловии автора было указано на «участие в труде его Н.В. Гоголя, нового историка Малороссии и автора "Вечеров близ Диканьки"». Это участие было весьма значительным. По свидетельству самого Гоголя, он передал Максимовичу около 150 собранных им песен, совершенно тому неизвестных. На титульном листе другой книги, изданной Московским университетом в том же 1834 году («Голоса украинских песен»), Максимович выставил эпиграф из статьи Гоголя «О малороссийских песнях»: «Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни».

После смерти Гоголя были обнаружены еще две тетради с записями собранных им южнорусских и украинских песен. Изданные в 1908 году Отделением русского языка и словесности Академии наук под заглавием «Песни, собранные Н.В. Гоголем», они составили солидный том, заключавший свыше 400 страниц. Известно также, что свои записи песен Гоголь передал Петру Васильевичу Киреевскому, в его знаменитое собрание.

В близких отношениях к Гоголю стоял и другой его земляк – профессор Московского университета Осип Максимович Бодянский, один из основателей славяноведения в России. У Бодянского Гоголь брал уроки сербского языка, чтобы почувствовать красоту песен, собранных Вуком Караджичем. Сохранился рассказ поэта и журналиста Николая Васильевича Берга о дружбе Гоголя с Бодянским: «Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собой целый вечер, горячо и одушевленно...» [9]. Если ж Бодянского не было в числе приглашенных, то «появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью один; скажет с иным приятелем два-три слова, из приличия... – и был таков» [10].

Теплое, дружеское отношение Гоголя к Бодянскому иногда высказывалось даже в кратких приписках в письмах его знакомых к последнему. Вот, например, выпавшие из внимания литературоведов строки Гоголя (их нет даже в академическом собрании сочинений писателя): «И я при этом тоже пользуюсь этим очень приятным для меня случаем. Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Риме. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с

вами в Праге, или лучше в Мариенбаде, и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы. Искренне вас любящий земляк Н. Гоголь». Эти забытые строки Гоголя содержатся в письме Погодина к Бодянскому из Рима от 21 марта (н. ст.) 1839 года [11].

Дружба Бодянского была деятельной. Он, например, способствовал изданию поэмы Гоголя «Мертвые души», напечатанной в типографии Московского университета (1842, 1846). Цензурный экземпляр первого издания хранится ныне в Научной библиотеке имени М.А. Горького. На ее титульном листе рукой автора написано: «Печатать на моей бумаге. 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь». Впоследствии у Бодянского находилась рукопись «Размышлений о Божественной Литургии» – последней книги Гоголя, увидевшей свет после его смерти.

Наиболее близок к Гоголю в зрелые годы его жизни был Степан Петрович Шевырев. Ему Гоголь читал главы второго тома «Мертвых душ»: больше чем кому-либо – до седьмой включительно. Будучи доверенным лицом Гоголя в денежных и других делах, Шевырев принимал участие в издании его сочинений. Он разбирал бумаги, оставшиеся после смерти Гоголя, первым прочел «Авторскую исповедь» и другие сохранившиеся в рукописях произведения. В июне 1852 года он писал Анне Васильевне Гоголь, сестре писателя: «Когда я в первый раз читал его Размышления о Литургии, мне казалось, душа его носилась около меня, светлая, небесная, та, которая на земле много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно, и в пламени самой чистой молитвы покинула бременное, изнемогшее тело» [12].

В 1852 году, вскоре после кончины Гоголя, Российская академия наук приняла решение издать его биографию. Написать ее было поручено Шевыреву. С этой целью он отправился на родину писателя для сбора материала. Биографии Гоголя Шевыреву написать не удалось. Но сохранился документ, раскрывающий множество подробностей последних дней жизни и смерти Гоголя – письмо Шевырева от 2 апреля 1852 года к двоюродной сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой (рожденной Ходаревской) [13].

Из переписки известного профессора истории Тимофея Николаевича Грановского можно заключить, что и он одно время находился в близких отношениях с Гоголем. «Здесь Гоголь, – сообщал Грановский Н.В. Станкевичу в 1840 году, – я его вижу два раза в неделю. Он был у меня» [14]. К сожалению, нет более подробных

сведений об их отношениях. «Вот вам весть, горькая для каждого порядочного человека в России, – писал Грановский тому же Станкевичу на другой день после похорон Гоголя, – Гоголь умер... Похоронили его вчера со всеми почестями, приличными последнему великому писателю русской земли» [15]. Грановский выступил инициатором общественной организации похорон Гоголя. Московский университет, в лице лучших своих представителей поддерживавший первые шаги молодого писателя, проводил его и в последний путь.

На похоронах Гоголя возникли споры. Друзья хотели отпевать его в приходской церкви Преподобного Симеона Столпника, которую он любил и посещал. Однако по настоянию начальства Гоголь был отпет в университетской церкви Святой мученицы Татианы. Позднее, в 1881 году Иван Сергеевич Аксаков в письме к известному библиографу Степану Ивановичу Пономареву так освещал эту распря: «Сначала делом похорон стали распорядиться его ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому что похороны получили более общественный и торжественный характер, и мы все это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени» [16].

Гроб с телом Гоголя был перенесен в университет. Почетный караул из шести студентов, сменявшихся каждые два часа, дежурил при нем день и ночь. Профессора Анке, Морошкин, Соловьев, Грановский, Кудрявцев вынесли гроб из церкви, а студенты пронесли его на руках всю дорогу до кладбища [17]. Вся Москва провожала в последний путь своего любимого писателя.

Известный русский педагог Сергей Александрович Рачинский (оставивший профессорство в Московском университете и ставший крестьянским учителем) рассказал историю одной литографии, изданной спустя несколько дней после смерти Гоголя: «Вскоре после кончины Гоголя тело его было положено в гроб и перенесено в церковь Московского Университета. Тут около гроба до самого погребения постоянно дежурили студенты. В одном из таких ночных дежурств участвовал мой покойный брат, Владимир Александрович Рачинский, тогда студент четвертого курса юридического факультета. Обладая немалым талантом к рисованию и желая сохранить воспоминание об этом скорбном и торжественном бдении, он в первом часу ночи принялся рисовать профиль покойного, надеясь, что он успеет окончить рисунок без свидетелей. Но в это время вошла в церковь гр<афия> Е.П. Ростопчина, задра-

пированная по-испански в черные кружева, все еще прекрасная. Долго молилась она перед гробом, а затем обратила внимание на рисующего юношу, взглянула на его набросок и была поражена достигнутым сходством и передачею печати важного покоя, лежавшей на чертах усопшего.

На другой день она рассказала о портрете Вл<адиамиру> Ив<ановичу> Назимову, тогдашнему попечителю Моск<овского> Унив<ерситета>. Он также пожелал на него взглянуть и настоял на том, чтобы он был воспроизведен и пущен в продажу. Так и сделали. Портрет был налитографирован в ограниченном количестве экземпляров и в несколько дней раскуплен. У меня сохранилась расписка, писанная рукой Ст<епана> П<етровича> Шевырева о получении от В.А. Рачинского 143 р<ублей> на сооружение памятника Гоголю. По прошествии нескольких дней каким-то убогим рисовальщиком была пущена в продажу лубочная копия в уменьшенном виде с рисунка моего брата, с прибавкой разных безвкусных эмблем» [18].

Писательница Евгения Тур (Салиас де Турнемир) сообщала профессору Максимовичу 25 февраля 1852 года, что «Университет открыл подписку на бюст Гоголя для университетской библиотеки и хочет учредить стипендию во имя покойного...» [19]. Стипендия действительно была учреждена, но это произошло в 1864 году, когда наследники Гоголя предоставили в распоряжение университета для этой цели 2500 рублей. И сегодня в Московском университете есть стипендия имени Гоголя.

В этой связи напомним, что сам Гоголь еще в 1844 году создал на свои средства фонд помощи нуждающимся студентам Московского университета, определив для этой цели доход от своих сочинений. Поручая Сергею Тимофеевичу Аксакову организацию помощи бедным талантливым студентам, Гоголь писал ему из Рима 25 ноября (н. ст.) 1845 года: «Имя дающего должно быть навсегда скрыто...» [20].

В распоряжении профессора Шевырева находились деньги Гоголя, предназначенные «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством» [21]. Из этих средств Шевырев оказывал помощь, в частности, Петру Ивановичу Бартеневу, будущему редактору и издателю журнала «Русский Архив», и молодому художнику Владимиру Осиповичу Шервуду, впоследствии академику живописи, известному архитектору, по проекту которого построено здание Исторического музея на Красной площади [22].

Гоголь был знаком и состоял в переписке с Дмитрием Константиновичем Малиновским, студентом математического факультета Московского университета, автором статьи «О том, как надо разуть смешное в произведениях Гоголя», сохранившейся в рукописи и напечатанной в наше время [23]. Он оставил о Гоголе свои воспоминания.

Итак, как видим, связи и отношения Гоголя с Московским университетом чрезвычайно разнообразны. И сегодня эта духовная связь писателя с университетом не прерывается. В 1995 году настоятель храма Святой мученицы Татианы, домовый церкви Московского университета, протоиерей Максим Козлов, выпускник филфака, освятил мемориальные комнаты Гоголя в Москве в доме на Никитском бульваре (впервые после 1917 года), а также и сам филфак (первый среди факультетов университета). С той поры каждый год, в день смерти Гоголя, священник университетской церкви служит литию в доме, где Гоголь провел последние годы своей жизни.

Примечания:

1. См. письмо Гоголя к М. П. Погодину от 23 июня 1834 г. См. также письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 23 декабря 1833 г.
2. Гоголь в воспоминаниях современников. – Без м. изд., 1952. – С. 92.
3. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 183.
4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – Без м. изд., 1940. – Т. 10. – С. 302.
5. См.: Новинки для биографии Н.В. Гоголя // Киевская Газета. – 1901. – № 293. – 21 октября. – С. 2.
6. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1894. – Кн. 8. – С. 87.
7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 10. – С. 284.
8. Там же. – Т. 6. – С. 90.
9. Гоголь в воспоминаниях современников. – С. 502.
10. Там же.
11. Русский Архив. – 1895. – № 5. – С. 116.
12. Русская Мысль. – 1896. – № 5. – С. 192.
13. См.: *Воронаев В.А.* С.П. Шевырев о последних днях жизни и о смерти Н.В. Гоголя // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. – Ч. 2. – Большие Вяземы, 1996.

14. Т.Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – Т. 2. – С. 384.
15. Там же. – С. 297.
16. Письма к библиографу С. И. Пономареву. – М., 1915. – С. 142.
17. См.: Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 438.
18. РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1305.
19. Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 437.
20. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 541.
21. *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Несторалетописца. – Киев, 1902. – Отд. III. – С. 61.
22. См.: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. – М., 1987.
23. См.: *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуместь смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. – М., 2004.

Игорь Виноградов

Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери

В настоящем издании впервые печатаются две неопубликованные рукописи с воспоминаниями о Гоголе его матери, Марии Ивановны Гоголь-Яновской (рожденной Косяровской, 1791 – 31 марта 1868). Этими воспоминаниями Мария Ивановна поделилась с биографами сына в год его кончины (1852). Лишь одна из рукописей – письмо по поводу статьи П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была частично использована Кулишом в первом томе его «Записок о жизни Н.В. Гоголя» (СПб., 1856). Второй источник – сделанные со слов Марии Ивановны записи о Гоголе в путевом дневнике С.П. Шевырева – остался невостребованным.

Мемуары М.И. Гоголь-Яновской по сей день служат самым полным документальным источником наших сведений о детстве Гоголя, о его «родовом» окружении. Первым толчком к написанию мемуаров послужила, по-видимому, одна из поездок Марии Ивановны в Москву, которые она совершила еще при жизни сына. В